

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Лед, сковавший, было, международные отношения, как будто, тронулся. И печать оживленно комментирует происходящие или намечающиеся переговоры.

Марсель Кашен в «Юманите» приветствует

сенсационную речь главы американской дипломатии Бэрнса, которая упокоила всех друзей мира.

Пора было сказать миру ясные слова и никто не мог сказать этого лучше, чем министр иностранных дел США.

Да будет позволено нам отметить, что с всеми попытками саботировать программу трех величайших держав, нелегко было почувствовать страх перед Советским Союзом и неизвестность к нему, выражавшиеся в стремлении противопоставить ему две другие союзные демократии.

С полной ясностью министр иностранных дел США отвергает проекты разделения мира на блоки и на сферы влияния. Впрочем, мы наблюдаем за последнее время, что такого рода проекты находят все меньше и меньше сторонников и в Западной Европе; история, будто оставила их позади. Что же касается отдельных региональных соглашений, как то, которое соединяет Францию с Советским Союзом, Бэрнс спрятливо отмечает, что они могут и должны стать столпами международного мира при условии, что они не будут обращены против других демократических наций.

Мы безоговорочно приветствуем выступление руководителя американской внешней политики, формулировавшего условия длительного и неделимого мира.

«Ле Монд» считает, однако, поворот американской политики не настолько ясным и значительным:

В заявлении Бэрнса можно видеть некоторую уступку Соед. Штатам и признак улучшения отношений между Вашингтоном и Москвой. Однако, Бэрнс весьма взвесил свои слова и надо вчитаться во все подробности его заявления, чтобы понять его значение.

Нет речи о том, чтобы государственный секретарь США согласился бы предоставить полную свободу рук какой-либо державе в той зоне, которую она рассматривает, как свою зону безопасности; речь идет лишь о том, что этой державой признается право поддерживать добрососедские отношения со странами, граничущими с ней..

Бэрнс напоминает, что будущая организация мира основана на принципе равного суверенитета всех наций, из чего вытекает точное ограничение действий той или иной великой державы в интересующей ее зоне.

Определив таким образом смысл и значение региональных соглашений, Бэрнс не говорит, допускает ли он возможность других зон такого рода, кроме американской и советской. Возможны ли такие соглашения в Африке, в Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке и в Западной Европе? Придерживаясь условий, поставленных Бэрнсом, некоторые страны могут быть склонны ответить на этот вопрос утвердительно.

Мы скоро узнаем, соответствует ли точка зрения государственного секретаря США позиции Советского Союза.

В Америке, как отмечает пью-оркский корреспондент «Комба»:

Настоящее наводнение официальными речами, которое только что пережила Америка, оставило после себя весьма напряженную политическую атмосферу. Американец далеко не всегда верит в то, что ему говорят. И как ни старается «человек улицы» разыскать те практические решения, которые согласовались бы с провозглашенными Трумэном великими принципами, он их не находит и отчаянно их ищет.

Нет сомнения, что основным вопросом для Америки является сейчас отношение к Советскому Союзу. И пока американское правительство старается восстановить контакт с Москвой, почти вся американская пресса продолжает заниматься каждый день анти-русской кампанией. Порой кажется, что мы вернулись к худшим временам довоенных кризисов. Официальные круги порою пытаются тормозить, но это им удается не всегда и к тому же они порою противоречат самим себе.

Возьмем один лишь пример: теперь выясняется, что Россия никогда не требовала установления в Японии контрольной комиссии надобие берлинской. Между тем, Бэрнс еще недавно утверждал обратное.

За что цепляется печать? Ичеркав Балканскую тему, она отправляется в поход против присоединивших Советский Союз проинков в Китае и в Корее. Но оставим в стороне эти подробности. Основной конфликт заключается в следующем: американское правительство восстает против образования сфер влияния в Европе и в то же время стремится создать для себя такие же зоны в Азии.

Английская пресса не менее решительно упрекает американскую политику в неспособности и даже в недостаточной компетенции. Так, «Дэйли Мэйл» выражает свое изумление по поводу того, что:

На двух недавних приемах печати, Бэрнс признал, что не читал текста переговоров с Италией; не знает, запрашивала ли Россия официально о займе; не уверен, желает ли Россия принять участие в контрольной комиссии в Японии; не имеет сведений о том, как разыскиваются лондонские переговоры между представителями пяти министров иностранных дел; не вполне ясно представляет себе, как функционировал «Ленд-Лиз».

Вся английская печать надеется, что предстоящая поездка Этти в Америку поможет сдвинуть с мертвых точек международные дела, и в особенности запутавшийся до-нельзя вопрос об атомной бомбе.

Лондонский корреспондент «Базлер Нахрихтен» следующим образом характеризует лондонские ожидания:

В хороших осведомленных кругах передают, что до сих пор ничего неизвестно о каких-либо официальных шагах Советского Союза по вопросу о тайне атомной бомбы. Официальное британское правительство также еще не заняло окончательной позиции. Но есть указания, что точка зрения правительства Этти сводится к следующему: применение атомной энергии для конструктивных целей, должно быть обеспечено для всех народов, больших и малых; что же касается тайны атомной бомбы, то она должна быть предоставлена в распоряжение пяти великих держав, являющихся постоянными членами Совета Безопасности. Такая позиция совпадает с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Изложенные выше сведения о пяти великих державах, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, совпадают с требованиями широких политических и хозяйственных кругов, считающих, что тайна атома необходимо немедленно сообщить русским: иначе воспоследует чрезвычайно опасная конкуренция, сначала в области исследований, а затем вооружений.

Советский Союз и Польша

(БЕСЕДА С ПОЛЬСКИМ ПОСЛОМ В ПАРИЖЕ, г. С. СКРЖЕШЕВСКИМ)

Посол Польской Республики во Франции, Станислав Скожешевский, принял сотрудника газеты «Советский Патриот».

Первый вопрос, который мы предложили послу, касался так называемого «усиления советских гарнизонов» в главных городах Польши.

— Мне хотелось бы прежде всего подтвердить, — заявил нам посол, — что дело не идет вовсе о каком-нибудь усилении отрядов Красной Армии, квартирующих в Республике. То, что имело место, было лишь закреплением при определенных военных действиях советских частей, уже этого утверждения на польской территории.

По вопросу о развитии между Польшей и СССР, мы обратили внимание на то, что в 1939-1940 годах с живым интересом сидели за советской культурой, за искусство и литературу. Этот интерес не мог тогда развиваться, в силу некоторых преград, которые ставил тогдашнее правительство. В наст. время, когда вновь милюются савоеватели, а также в связи с захватом Польши, я бы хотел сказать, что это не работа титанов? Где и когда и какая страна за такой короткий период времени сделала что-нибудь подобное?

— Я бы принял Советским Союзом в время войны, и при этом был бы и прост, и необыкновенно дружествен. Мне пришлось познакомиться, в качестве рядового, с жизнью в Красной Армии, и я всегда вспоминаю ее с теплотой.

— Польский народ еще и до войны был настроен враждебно к Советскому Союзу, и это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

— Я бы хотел сказать, что это неизвестно, каким образом это произошло?

7-е ноября 1945

... В далеком Гори, Тениловский мальчик, ясным утром, Взгнувшись на мир и будто вспомнил Приснившийся ему чудесный сон, Проговорил, и слушала, как сказку, Его слова к нему склонившаяся матеря...

— Я мост большой когда-нибудь построю, Широкий мост, чтоб по нему свободно Переходили мирные народы...

Так говорил десятилетний Сталин.

Так повествует краткая легенда.

Но разве не сверкающей легендой Проходит перед нашими глазами И детство, и взволнившая юность, И мужественный труд, и зрелый гений Единственного в мире человека?

И, детской мечтой осуществленной, Соединив свободные народы, История миром памятником гордым Воздвигнулся нескорумный мост, Союз Советский.

М. Струве.

К юбилею И. А. Бунина

Одного таланта мало. Талант, чтобы он мог прнести обильные народы, должен соединить с умом, с писательским трудом, с сильно выраженной личностью писателя, с тональным слухом, не только физическим, но и внутренним, которым улавливается и то «прозабытье дольных лоз», о котором говорит Пушкин, и то, что происходит в душе современного нам человека.

В короткой газетной статье нет никакой возможности коснуться творчества писателя. В частности, о Бунине можно было бы написать чрезвычайно много и сделано, на заслуженный анализ его книг, очень интересные выводы относительно нашей литературы вообще и ее судьбы в эти вззвинованные годы. Но 75-летний юбилей, который находит отражением знаменитый писатель, дает нам, во всяком случае, повод поблагодарить Ивана Алексеевича за то, чем он нас подарила, и за то, чем подарила будущем.

Для нашего поколения т. е. для людей, воспитавшихся 50-летнего возраста, все духовное развитие было в какой-то степени связано с книгами Бунина. Еще гимназистами, мы читали запомнили его рассказы, от которых нахлынули антоновками, землей, счастливыми летами дождями, сеном или осенним дымком. Прочитав бунинскую «Деревню», многие из нас постали в русской жизни и увидели то, чего не видели или не хотели рассмотреть наши собственные глаза. Сама революция и ее причины стали для нас более явственными после этой книги. Такая жизнь не могла длиться вечно и осталась без перемен.

Что еще приходит в голову, когда вспоминаешь или перечитываешь книги Бунина? Приходит в голову мысль, что в какой-то степени эти книги сохранили для нас Грецию в воздухе Родины. Нам было бы

скучнее и более одиноко без этих книг среди чужих людей и стран. Они поддерживали нас в трудные минуты. Нас подбодрили их русский дух, русский ум, русская манера смотреть на вещи, русское отношение к жизни и смерти — большая дорога русской литературы.

Конечно, Бунин — классик. Не тогда рода классики, книги которого передаются из поколения в поколение, цитируются, но читаются, а писатель, у которого может учиться наше писательское поколение.

Будь политических событий, разрывавшихся 28 лет назад, разорвала русскую жизнь на две части: на то, что было до Октября, и на то, что стала в нашей стране после него. Русская литература, в своем основе, пошла за революцией. Тогда, что очутилось за рубежом, тоже продолжало жить, тоже продолжало путь российской словесности, но почти уже вне реальной жизни, пробываясь воспоминаниями о прошлом, с трудом проникая в чужеземный быт или создавая себе бытие между небом и землей, как это делает в своих книгах Сири.

Бунин — один из немногих, у кого хватило силы, чтобы в этих невероятно трудных условиях творчества не превратиться в эмигрантского писателя, а осталась русским писателем в полной смысле этого слова. Бунин — не эмигрантский писатель, а писатель русский, другими словами, — говорящий с миром не от лица эмиграции, а от имени своей огромной страны и прекрасной русской литературы. Именно поэтому ему была присуждена Нобелевская премия. За них в тот день стала Россия.

В лице Бунина, весь мир, а вместе с миром и все мы, присутствует в эти дни величественную русскую литературу.

Ант. Ладинский.

ОТКЛИКИ

Ленинградский металлургический завод имени Сталина участвует при заводе специальный заводской техникум.

Директор завода В. Козаринов сообщает об этом интересном факте следующее:

— Наши завод существовал еще в до-советские годы, но не первые пятьдесят лет дал стране всего лишь двадцать шесть паровых турбин, общей мощностью в двести тысяч киловатт. В советское время, — с 1923-го по 1940-й год, — завод выпустил 184 паровых турбины на 3.760 тысяч киловатт и 153 водяных турбины на 918 тысяч киловатт. Среди выпущенных паровых турбин была уникальная, мощностью в сто тысяч киловатт на три тысячи оборотов в минуту.

Значительная работа проводится на заводе по подготовке кадров. Используя свой опыт прошлых лет, мы широко развернули ученичество. Только в прошлом году будет обучено более 700 человек. Создана сеть кружков для повышения квалификации, в которых уже получили подготовку до 500 рабочих. Для подготовки средних кадров создан специальный заводской техникум. В 1947-1948-ом годах мы расширяемся открыть свой вуз, который будет обеспечивать специалистами не только нас, но и другие предприятия страны.

Сотрудник «Красной Звезды» В. Минин, рассказывает о работе японской разведки

Бернар.

Экономика Октября

В декабре 1927-го года, на XV-ом съезде коммунистической партии, были утверждены директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Этот план знаменовал собой переход от периода восстановления промышленности и земледелия к реконструкции всего народного хозяйства на новой технической базе. План был более, чем реконструкцией народного хозяйства. Он был началом создания в полной мере новой хозяйственной структуры, продиктованной пройденческим структурой, производственной структурой СССР, и смелым и уверенным в успехе опытом полного овладения советами экономической стихией. В нашей стране создавалась новая экономика не только на новой технической базе, но новая, в смысле своей социальной природы.

Первый советский пятилетний план был встречен со скептицизмом. Но первый пятилетний план был выполнен в четыре года три месяца.

В начале 1932-го года XVII-я партийная конференция приняла директивы к составлению второго пятилетнего плана. Она также, в основных своих частях, был выполнена до конца. Страна, выподин второй пятилетний план, уже твердо и основательно овладела методом планированной экономики. Программисты наработавшие количественно и качественно результаты планированной экономики убедили страну, что

О новой музыке СССР

«Страна, создавшая такую музыку, не может не победить».

Три четверти века тому назад Лист говорил Бородину: «Здесь у нас все труны, все будущее у вас, в России». Если эти слова были верны эпохе настоящего развития русской музыки на национальных основах, и Лист верно угадал гениальность таких русских композиторов, как Чайковский, Мусоргский, Бородин и Римский-Корсаков, то они еще более верны в настоящем времени, когда Россия переживает новую музыкальную весну, новое возрождение, новый подъем музыкально-творческих сил, который вывел ее из грязиного тупика и который может помочь своим новыми достижениями и новыми путями и одрихлившей музыкальной культуре Заднада.

Эта разраза акробатизма, перепрыгивания через чужие головы — и даже через свою собственную — не нужным образом проникла в первый период нового строительства и в СССР. Ненужным потому, что русская революция создала, по существу, новую эпоху, а в новой эпохе истинные таланты и не могут не быть новыми, хотя-ли они тго или не хотят, если только они выражают свою эпоху. Музыканты СССР скорее поняли и стали новыми, не забылись о каких «новостях». В этом отношении, символом новой музыкальной мысли и музыкальной формы мне кажется Шостакович, дерзкий юноша без всякого «дерзания», отдающий свободу пению своего нутра и не забывающий о том, чтобы русская революция создала, по существу, новую эпоху, а в новой эпохе истинные таланты и не могут не быть новыми, хотя-ли они тго или не хотят, если только они выражают свою эпоху. Музыканты СССР скорее поняли и стали новыми, не забылись о каких «новостях».

Есть новое и «новое», псевдо-новое, нарочито-новое, а в действительности старое, повторяющее хотя бы и вспаренное и даже сегодняшнее. Всякая творческая эпоха, как и всякий настоящий истинный талант, который может помочь своим новыми достижениями и новыми путями и одрихлившей музыкальной культуре Заднада.

Новые пути... В этом слове есть что-то завораживающее-маниящее и свежее, и что-то соблазнительно-порочное и опасное.

Есть новое и «новое», псевдо-новое, нарочито-новое, а в действительности старое, повторяющее хотя бы и вспаренное и даже сегодняшнее. Всякая творческая эпоха, как и всякий настоящий истинный талант, который может помочь своим новыми достижениями и новыми путями и одрихлившей музыкальной культуре Заднада.

На такую новую советскую музыку переключились Ирикьефф, поразившие всех

на своем появлении действительно необыкновенной музыкальной одаренностью и,казалось, неиссякаемым источником музыкального вдохновения и начинавший блеснуть, зажимаемый в тиски новой искусственной эстетики, которую позже он сам так охарактеризовал: «композиторы сидели в поисках новых комбинаций аккордов, чтобы выражаться... не все-ли равно, что... нового, нового какой угодно пе-ней?». Они испытывали страх перед «уже сказанным», и даже самые талантливые были им парализованы.

Эта эстетика, казавшаяся еще тогда необыкновенной и склоняющейся к немецкой оккупации в русской зарубежной печати, «Любовные Беседы» являются первым изданием религиозного характера, которое будет встречено верующими с несомненным сочувствием и признательностью редакции, преодолевшей, конечно, немалые затруднения для осуществления своей, пока еще неизбежно скромной, задачи.

Маленькая газета в один печатный лист, с портретом Митрополита Николая Крутикова на обложке, содержит короткое обращение от редакции с просьбой «поддержать это на-чинание распространением журнала среди друзей и знакомых и тем дать ему возможность укрепиться и стать более объемистым, могущим вместить в себя большее разнообразие материалов».

В первом номере содержится житие св. князя Александра Невского, а дальше приведен неизвестный широкой публике очень древний христианский документ, Dugat, в переводе с французского издания Сабатье 1885 г. Ему предписаны выдержки из статей Владимира Соловьева, написанные в виде введение к русскому изданию «Учения двенадцати апостолов» и дающей интересные исторические объяснения по поводу происхождения Dugat, т. е. «Учения двенадцати апостолов».

Будем надеяться, что православное русское зарубежье вскоре пойдет на встречу новому церковному начинанию.

Сцена и экран

«ЛОРЕНЗАЧИО»

Люди, которые требуют от пьесы не только содержания, но и сценического зрелица, ждут каждую новую постановку Гастона Бати с нетерпением. Надо сказать, что почти всегда их ожидания бывают вознаграждены.

Бати

сохраняет неисчерпаемый дар театрального выдумки, а главное — желание следить из каждой пьесы некую театральную сказку.

Все это можно повторить и по поводу «Лорензачио» Альфреда де Миосса. Бати поставил пьесу с большими сокращениями и разбил ее на отдельные картины. Постановка «в куклах», вернее «в бархатах». Ни фон из полумрака только, то, что пышет на сцене, не выделяет ее из остальных картин. Постановка «в куклах», вернее «в бархатах».

Документальный фильм, посвященный знаменитому летчику, — драгоценный материал для будущего, когда начнут писать эпопею войны. В фильме снятые семейные сцены, мат и жена летчика, его дом, друзья и товарищи, и глядя на эти милые и простые русские лица, еще больше понимаешь и чувствуешь величие того, что сделало во время последней войны русский народ.

Когда Покрышкин поднимался в воздух, немецкие авиабазы тревожно перекликались:

— Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин! Покрышкин!

Очередной германский аэроплан падал в воздух, и в дыму из земли...

Гвардейская эскадрилья Покрышкина сдала больше километров, чем расстояние от земли до луны, сбила сотни вражеских самолетов, участвовала во всех больших сражениях, громила Берлин и увенчала себя неувидимыми лаврами.

Другой подвиг русского народа — восстание Стalingрада.

На фильме — руины германского города. Но вот в первую же весну, когда распустились искалеченные деревья, жизнь снова возникла среди стalingрадских развалин. В школе только две стены, и ветер несет пепелистые тетрадки, но дети уже учатся. Еще не возведены фабричные здания, а знаменитый тракторный завод уже промонтирует танки. Еще нет жилищ для рабочих, а уже пылают мартеновские печи.

Упростите, выносливость и любовь к труду и немецкой оккупации в русской зарубежной печати, «Любовные Беседы» являются первым изданием религиозного характера, которое будет встречено верующими с несомненным сочувствием и признательностью редакции, преодолевшей, конечно, немалые затруднения для осуществления своей, пока еще неизбежно скромной, задачи.

Маленькая газета в один печатный лист, с портретом Митрополита Николая Крутикова на обложке, содержит короткое обращение от редакции с просьбой «поддержать это на-чинание распространением журнала среди друзей и знакомых и тем дать ему возможность укрепиться и стать более объемистым, могущим вместить в себя большее разнообразие материалов».

В первом номере содержится житие св. князя Александра Невского, а дальше приведен неизвестный широкой публике очень древний христианский документ, Dugat, в переводе с французского издания Сабатье 1885 г. Ему предписаны выдержки из статей Владимира Соловьева, написанные в виде введение к русскому изданию «Учения двенадцати апостолов» и дающей интересные исторические объяснения по поводу происхождения Dugat, т. е. «Учения двенадцати апостолов».

Будем надеяться, что православное русское зарубежье вскоре пойдет на встречу новому церковному начинанию.

А. Л.

СОВЕТСКИЕ ФИЛЬМЫ

По техническим и независящим от организаторов обстоятельствам обещанный «Физкультурный парад в Москве» не мог быть показан на воскресенском просмотре. Но вместо него мы увидели два других советских фильма: «Александр Покрышкин» и «Возрождение Стalingрада».

Документальный фильм, посвященный знаменитому летчику, — драгоценный материал для будущего, когда начнут писать эпопею войны. В фильме снятые семейные сцены, мат и жена летчика, его дом, друзья и товарищи, и глядя на эти милые и простые русские лица, еще больше понимаешь и чувствуешь величие того, что сделало во время последней войны русский народ.

Когда Покрышкин поднимался в воздух, немецкие авиабазы тревожно перекликались:

— Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин! Покрышкин!

Очередной германский аэроплан падал в воздух, и в дыму из земли...

Гвардейская эскадрилья Покрышкина сдала больше километров, чем расстояние от земли до луны, сбила сотни вражеских самолетов, участвовала во всех больших сражениях, громила Берлин и увенчала себя неувидимыми лаврами.

Другой подвиг русского народа — восстание Стalingрада.

На фильме — руины германского города. Но вот в первую же весну, когда распустились искалеченные деревья, жизнь снова возникла среди стalingрадских развалин. В школе только две стены, и ветер несет пепелистые тетрадки, но дети уже учатся. Еще не возведены фабричные здания, а уже пылают мартеновские печи.

Упростите, выносливость

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ
В воскр., 11 нояб., точно, в 10 ч. 30 м.
сцена St.-Didier,
48, rue St.-Didier. Метро:
Victor Hugo, Trocadéro.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ
МАСКАРАД
и КИНО-ХРОНИКА
Приглаш. билеты — в Союзе:
40, rue St.-Didier, 4, rue de Galliera
В день просмотра приглаш. — только на
40, rue St.-Didier.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ
В воскр., 18-го ноября,
точно, в 10 ч. 30 м., сцена St.-Didier,
48, rue St.-Didier. Метро: Trocadéro.
Волшебное зерно
(сказка)
и КИНО-ХРОНИКА
Приглаш. билеты — в Союзе:
4, rue de Galliera, 40, rue St.-Didier
В день просмотра приглаш. — только на
40, rue St.-Didier.

Хроника Союза С. П.

СОБЕСЕДОВАНИЕ
Во вторник, 13 ноября, в помещении Союза, 4, рю де Гальяра, состоится очередное собеседование на тему «Развитие революции».

Вступительное слово скажет тов. Н. С. Боронецкий. Начало в 20 час. 15 мин.

СОЮЗ ИНВАЛИДОВ
Председатель Союза К. Е. Кашикин примет в помещении Союза, 4, рю де Гальяра, от 14 до 16 час. по субботам.

Отдел молодежи при ССП

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

4 ноября состоялось общее собрание молодежи, на котором были заслушаны отчет отвественного комитета о проделанной работе с 1 октября по 1 ноября. После обмена мнений, критики и высказанных пожеланий будущему правлению, были произведены выборы нового правления на год, в состав которого вошли пять действительных членов: В. Сахань, В. Т. Сухорукова, А. Говоров, О. Тарасенкова, В. Татаринов и два запасных члена — В. Рубинов и С. Петров.

ДОКЛАДЫ

В воскресенье, 11 ноября, в 16 час. 30 мин., в помещении отдела молодежи, состоялся очередное собрание. Присутствие всех членов обязательное.

РАСПИСАНИЕ ЗАНЯТИЙ КРУЖКОВ

В четверг, 8 ноября, в 18 час. 30 мин. — собрание музыкального кружка в помещении 4, рю де Гальяра.

В пятницу, 9 ноября, в 18 час. — собрание литературного кружка в помещении отдела молодежи. В 20 час. — собрание философского кружка, там же.

В субботу, 10 ноября, в 15 час., тренировка волей-больной команды на стадионе Адмирала Бюонса.

В воскресенье, 11 ноября, в 15 час. — тренировка волей-больной команды на 40, рю Сен-Дидье.

Содружество русских партизан

5-го ноября состоялось первое собрание «Содружества Русских Партизан и Добровольцев в Западной Европе». Вступительное слово о целях этого Содружества сказали М. А. Кривченцы, а затем были заслушаны сообщения: Б. Б. Сосинского, на тему: «Русское сопротивление на о. Олерон и лейтенанта Э. (О боевой деятельности полка Нормандия — Неман).»

За справками об условиях вступления в Содружество — обращаться: 26, арено де Нью-Йорк (бывш. арено де Токио), комната № 10, по средам, от 19 до 20 час.

СОЮЗ ОФИЦЕРОВ УЧАСТНИКОВ ВОИНЫ НА ФРАНЦУЗСКОМ ФРОНТЕ

11 ноября в Александро-Невском храме после литургии будет отслужена панихида по русским воинам особых бригад, павшим на фронте в 1916-18 годах.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

В Белом зале шел бешеный митинг. Здесь сбились юнкера пехотных школ. Выяснилась безнадежность положения, изолированность, отсутствие руководства.

— Что нам делать, — кричали один из юнкеров, — что прикажете делать? Всё подносили офицеров, а мы не знаем кому подчиняться. Господа, если в правительстве боятся и не хотят крохотничать, то зачем было организовывать оборону и ставить нас с винтовками по местам. Я спрашиваю вас: почему они не отменили приказа? Кто мне на это ответит? Мы требовали информации, а нас путают ложными сведениями.

Зал глухо шумел. Было душно.

— Правильно!

— А я заявляю: митинг не юнкерское дело. Разойдись по местам! Стойко так, юнкера!

— Потребовать сюда членов правительства.

— Да с нами уже недоговарили. Их объяснения признаны недействительными — крикнули юнкеры, — оранжевые бамбусы просили точную юнкер, — оранжевые бамбусы просили точную юнкер, — крикнули юнкеры, — и теперь вглядят в глаза.

И снова его слова заглушили взрывы руко-плесканий. Дурманы от криков и лиц. Искрились и горели глаза.

— Наше собрание ведено уйти, не принимая участия в братоубийстве! — продолжал корпоративный юнкер под гул и трепет собрания.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

**

Вечерняя зари потухла, дул с Невы холодный ветер. Было темно — моржи прибывали на Неву криками ура, в лебядах Петровавловской крепости охвачивала дрожь. Там все было готово, орудия накатаны на валья, сигнальная пушка заряжена. Грохот, зловещий вспыхивал вокруг Зимнего. Там вспыхнула перстrelка. Загорелась. Потухла.

Петровавловские бороды не глядели, в крепости распоряжались матросы. Трехдюймовые, нещиченные, без масла в двери арсенала, снаряды доставлялись с Выборгской стороны. Снаряды грохнули по кирпичам фонарями. Под тусклую горевшими фонарями

блестели на дворе лужи. Царила темнота на Неве, только лиски свет ее вод, глянцевитых и черных. Дождь оседал на лица и руки, влагал лепеста, покрывая блеском камни и дворцовые крыши. Выхода с площади не было. Матросы занимали исходные пункты по Адмиралтейской, Дворцовой. Решетка сада Октябрьской даты на площади была ограждена рогатками, снаряды накапливались около Арки. Ная Невы спина была одилическая, четких выстрелов. Застрекотал пурпур, сначала показалась — далеко, а потом — вдруг смолкло. А потом — началось с снопом, словно падали на пламя. Окно однажды дворец открыл крайне растерянный и нервный ружейный и пулепетный огонь.

Нева, край земли, море, Финляндия, север. Путь с фронта, откуда ждали помощи, заставляла окончательно люди.

Ночь шумела голосами. Приказания летчиц начальника штабов фронта и штабов армий. В ставку по со хранившемуся прому проводу сообщали из осажденного отряда звонка, что в аппаратуре слышно, как идет стрельба, а сейчас началась пулепетный обстрел, — гарнизон и Петровавловский крепость против, военное управление дезорганизовано, мы изолированы и никакими усилиями не удастся создать поддержки на фронте.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства комиссаров, лихорадочно встремившийся красный человек, с спутанными волосами. Он был более снега, отвечал на вопросы обступивших его толпой юнкеров громко, отрывисто, истерически, неопределенно.

— Стыд, позор! — отвечали с другой стороны.

Горящие юношеские глаза, страшные слова, истерика, крики. Тут же пугали в пальто, но без шапки, от правильства